

Профессия Полунина - праздник

ДАВНО заметила - актеры очень не любят, когда их отождествляют всю жизнь с одним, пусть и самым любимым в народе героем, когда к ним на всю жизнь "прилипает" одна маска. А куда деваться Полунину? Живущий давно в Лондоне обладатель высшей международной клоунской награды "Золотой Нос", а теперь еще и лауреат отечественной премии "Триумф", он все равно для всех нас остается Асисяем, наивным, трогательным, смешным. Правда, на последнем спектакле, показанном Полуниным в Москве, "Snow show" ("Шоу снов"), почему-то все чаще бывало грустно, а не смешно... И что-то неуловимое изменилось в гриме - будто бы тот же веселый красный нос, те же глаза, обведенные белым, а выражение другое.

- Ваш Асисяй изменился...

- Появившись в начале 80-х, сначала мой Асисяй был очень простой. Клоунада у нас тогда как-то стабилизировалась на уровне цирковой, "вываливались" из этого общего жанра единицы - Никулин, Енгибаров, Карандаш. Я во многом пошел за Енгибаровым. И за традицией русской классики. Мой Асисяй - маленький человек, который был в нашей классике всегда: Башмачкин, персонажи Достоевского... Я попытался тогда реформировать язык клоунады, занялся клоунадой поэтической, лирической. Потом мне это стало неинтересно, надоело. И я попробовал "шарахнуться" в сторону трагической клоунады, чтобы спрятать горечь под весельем. Пытался соединить все, что есть в жизни: и поэзию, и драму, и радость, и слезы, и абсурд. А в общем за двадцать лет "со дня рождения Асисяя" со мной столько всего произошло... И все то же самое происходило и с моим героем. Он стал грустнее, нервнее, стал чуть сумасшедшим, самозабвенным...

- Вас иногда сравнивают с Чаплиным...

- Я не наберусь нахальства для такого сравнения. А вот учителем своим Чаплина могу назвать. У меня дома все его работы, 91 фильм. Еще в России начал собирать о нем книги, целые тома вырезок. Мой сын знает наизусть все фильмы с Чаплиным. Но в какой-то момент, если так можно сказать, наши пути разошлись, хотя он меня по-прежнему вдохновляет, когда я выхожу на сцену и мне надо "перевернуть" зрительный зал.

- Значит, клоунаду можно изучать по книжкам?

- А я и начал ее изучать в библиотеках. А потом... Поехал в Лас-Вегас к одному потрясающему клоуну, Джорджу Карлу, ему было 80 лет, и его уже никто не помнил. Я приехал, вижу дом, где совершенный беспорядок, какие-то вещи, хлам, видеокассеты, все свалено в кучу, грязь, пыль, как у Плюшкина. И сам хозяин выходит, тоже похожий на Плюшкина. Я попросил у него кассеты с уникальными записями эксцентриков начала века и долго в этих горах кассет их искал... А об учителях - вообще это сложный вопрос. Вот Михаил Шемякин очень на меня повлиял, подействовал. Я стал опять "шарахаться", в сторону теперь уже метафизической клоунады. Хочу того, чего сам не знаю, но главное - не хочу останавливаться.

- Но конкретные наработки есть?

- С Шемякиным мы обсуждали идею постановки "Любови к трем апельсинам" с Валерием Гергиевым. Спектакль этот уже полностью придуман, ищем деньги - где они найдутся, там мы его и поставим. Коммерциализация, ничего не поделаешь. Это общая болезнь искусства. Но должны помечаться приоритеты, и движение уже началось. Суть его в том, чтобы доказать - настоящее в искусстве вполне способно завоевывать широкую публику.

- А у нас в России есть интерес к настоящему искусству?

- Конечно, в России меня понимают лучше всего. Мы ведем переговоры о майских гастролях в Москве. Побывали в этом, как называется, Театральном союзе...

- Конфедерации театральных союзов?

- Вот-вот. Собираемся, и Лужков обещал вроде бы подключиться, провести Международную театральную олимпиаду в 2002 году. Пригласим народ-

ные, уличные, площадные театры, мимов, циркачей, жонглеров. И что-нибудь такое учудим. Скажем, забьем и зажарим на вертеле над огромным костром... автобус, автомобиль, это чудовище XX века. Я люблю, чтобы была сумасшедшая, бесшабашная жизнь, импровизации бесконечные...

- Вы и в спектаклях много импровизируете?

- Идею, да и все-все я выдумываю сам. Очень хотел бы, чтобы мой спектакль был спектаклем для глаз. Люблю живопись, у меня огромная коллекция. Пытаюсь создать в каждой постановке целый мир и вовлечь в этот мир зал. И чтобы была радость, чтобы преодолевать тяготы жизни через радость. Я в молодости специально ездил в Тбилиси на "Тбилисобы", праздники такие, чтобы посмотреть, как грузины, редкий народ, умеют их устраивать. Праздник - главное в жизни, это моя профессия.

- Меня всегда поражала ваша способность перебираться по залу почти по головам публики, по спинкам зрительских кресел, вот и в этом спектакле - снова. Но тут вы что-то не очень разгулялись, разве что оплели весь зал общей сетью-паутиной от первого до последнего ряда.

- Да в театре "Новая опера" все такое красивое, такое дорогое, люстры - жалко же!

- Оперной сцены не люгались?

- Но я же все время работаю на Западе на больших оперных сценах. И это так здорово: малень-

кая фигурка в луче света в огромном пространстве, как у Шекспира в "Короле Лире"...

- Про учителей вы объяснили, а ученики у вас уже есть?

- Ученики - это все "Лицедеи", которые до сих пор существуют и играют, человек десять... Кто-то работает за рубежом. Еще Юра Делиев, основатель "Маски-шоу", Наташа Пивоварова, основатель группы "Колибри".

- И, конечно, ваш сын?

- Да, Иван играет со мной, иногда мы играем вдвоем. Я вообще-то ужасный отец, требую тотального подчинения. И хвалю куда реже, чем даю подзатыльники. И наказываю детей (у меня три сына) - то полгода запрещаю телевизор смотреть, то на компьютере играть. Но Иван как-то так незаметно сам всему научился, не я его научил, это все благодаря его упорству. И, по моему, он настоящий артист. Красиво работает.

- Ваш спектакль прошел лишь один раз, его увидел весьма узкий круг. Что бы вы сами могли сказать о "Шоу снов"?

- Если бы я мог рассказывать про свои спектакли, наверно, написал бы роман. Но мне дано совсем другое. А попытки перевести магию движения в слова - всегда провал. Во всяком случае, все, что я мог бы рассказать, к спектаклю никакого отношения бы не имело. А так... Спектакль темный, грустный...

- Значит, разговаривать - не ваше дело? Не потому ли и в фильме Рязанова "Привет, дурачки!" вашу главную роль озвучивал Мягков?

- Я думаю, что вообще кино - неправильная для меня дорога. Очевидно, то, что умеют в кино делать все, я не умею или делаю очень по-своему. Вот в задуманном с Шемякиным спектакле я пою. Но на своем языке.

Марина МУРЗИНА

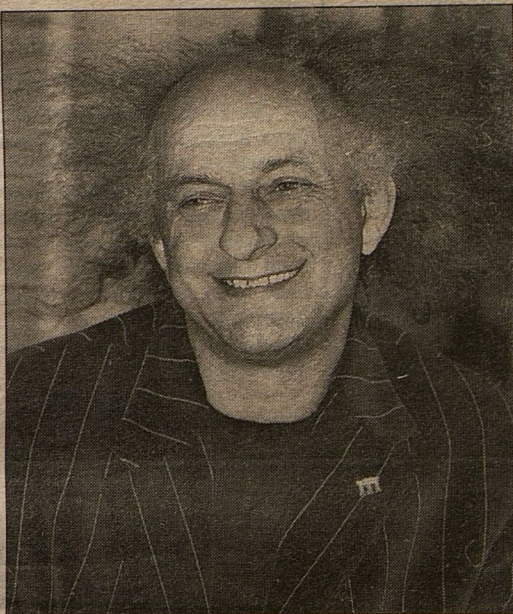

Фото Владимира СВАРЦЕВИЧА

Москва (прим. к Архиву) - 2000 - 948 (14) - 0.24